

Музейон

Сокровища Нижней Синячихи

Музей народного искусства Среднего Урала

«**П**исать об Иване Даниловиче Самойлове радостно. Радостно потому, что светлеет душа, когда думаешь, какой необыкновенный человеческий подвиг совершил он. И не надо бояться слова “подвиг” — здесь оно соответствует своему смыслу: сорок лет жизни, изо дня в день, вопреки непониманию, сопротивлению стоявших у власти он спасал от гибели и забвения народное крестьянское искусство. И ни разу не отступил»¹.

Такими словами начинается свое предисловие к художественно-публицистическому альбому «Сокровища Нижней Синячихи» академик Д.С. Лихачев. История этого удивительного музея неразрывно связана с именем его бессменного директора народного умельца И.Д. Самойлова, который с помощью таких же, как он, бескорыстных подвижников восстановил и сохранил для потомков уникальный исторический комплекс деревянного зодчества Среднего Урала XVII — начала XX века. На 64 гектарах земли стоят крестьянские дома, часовни, сторожевая башня, пожарная каланча, ветряная мельница, бани, колодцы — бесценные памятники прошлого, составившие коллекцию Нижнесинячихинского государственного музея народного искусства.

Погружаясь в мир прошлого, воссозданный И.Д. Самойловым и его славными сподвижниками, не устаешь поражаться их таланту и упорству. Непреходящая ценность совершенного энтузиастами поступка состоит в том, что они сберегли и смогли передать будущим поколениям память о жизни и быте уральских крестьян в те далекие времена, рассказать об их нравственных идеалах. Все, что веками окружало местных жителей: дома с резными наличниками, расписными потолками и стенами, мебель, посуда, орудия труда, изделия народных умельцев,

¹ Самойлов И.Д. Сокровища Нижней Синячихи. Екатеринбург, 1995. С. 9.

иконы, деревянная культовая скульптура — все это сохранил и подарил Иван Данилович Самойлов со товарищи потомкам, чтобы они знали свои истоки и гордились ими.

Экспозиция этого замечательного музея состоит из девятнадцати разделов. Открывает ее собрание уральской народной живописи, где представлены роспись интерьеров и предметов быта. Сегодня трудно определить точно, когда на Урале появилась домовая роспись. Видимо, обычай «раскрашивать» крестьянские дома зародился в начале XIX века. Обращают на себя внимание детали интерьеров, расписанные невиданными растениями с диковинными цветами — изумрудными, васильковыми, алыми. Стебли растений причудливы по форме, то похожи на спираль, то на султаны из перьев, то на мыльные пузыри. Основа композиций — дерево, куст, ветка, букет, венок, от которых расходятся в разные стороны гирлянды цветов; тут же висят гроздья винограда, ягоды черной и красной смородины, черемухи. Среди этого «райского сада» порхают птицы — птицы-павы и сирины, жар-птицы, мудрые совы и филины; гуси и тетерева, желтые петухи с голубыми гребнями и даже попугаи и фламинго; лежат львы, бегут кони и шустрые собаки.

О традициях художественного ткачества рассказывает другая экспозиция. Уральские мастерицы особенно любили узорные холсты. Ткани с многоцветными шашечными узорами по белому фону шли на скатерти, сарафаны, юбки, кофты, мужские рубахи. Чтобы выткать узор, применяли особые приспособления для ткацкого станка — «бранницы» (отсюда названия «бранный холст», «скатерть-самобранка»). Пряжу и холсты окрашивали домашними красителями. В желто-коричневый цвет — настойкой на ольховой коре, в зеленый — на березовом листе. Привозным индиго холсты и пряжу красили в особо любимый здесь синий цвет.

В музее представлена и большая коллекция вышивки, вязания и строчения, отличающихся по технике исполнения и орнаменту. Местные рукодельницы отдавали предпочтение красной нити. Стежки — наклонные, прямые, крестообразные — создают богатый мир орнаментов, где живут необычные растения, сказочные животные и птицы.

Особое место в музее занимают иконопись, церковные книги и утварь. Настенная живопись Спасо-Преображенской церкви выполнена в начале XX века художниками Петербургской академии художеств. Помимо библейских сюжетов здесь немало портретов исторических личностей.

Иван Данилович Самойлов

Со сводов и стен на посетителей глядят Кирилл и Мефодий, княгиня Ольга, князь Владимир — креститель Руси, Александр Невский, собиратель русских земель Сергей Радонежский, просветитель Стефан Пермский.

За стеклами витрин в центре зала, на стенах алтарной части храма — десятки икон. Богаче всего представлены иконы местного письма конца XVIII — начала XIX века. Сколько в них непосредственности, народной фантазии и поэтичности! Обращает на себя внимание яркость красок, обилие красного цвета, который хорошо сочетается с темно-коричневым. Вот икона начала XIX века — «Огненное восхождение пророка Ильи». На ней изображен сам святой в проеме пещеры, крылатые кони, мчащие колесницу, пророк Елисей. Здесь же — река Иордан и Вседержитель на облаке.

Но, конечно, главная гордость Нижней Синячихи — музей деревянного зодчества под открытым небом. Внутренние помещения хозяйственных и жилых построек XVII — XIX веков сегодня используются для демонстрации подлинных интерьеров крестьянских домов, коллекций народного прикладного искусства, орудий труда. Представлены культовые, оборонительные и общественные сооружения, малые архитектурные формы — от часовни Савватия и Зосимы Соловецких до изгородей палисадников, действующих колодцев, деревянных въездных знаков, амбаров, бань, пожарной каланчи или башни острога.

На территории музея ежегодно проходят фольклорные фестивали, звучат старинные пес-

Фрагмент росписи двери чулана

ни, оживают хороводы — вместе с забытыми праздниками возрождается душа народная.

Нижнесинячихинский народный музей постоянно расширяется и обогащает свои коллекции. Поддерживать полнокровную жизнь ему помогают местные меценаты, в частности Екатеринбургский фанерный комбинат. Недавно подновили храм при Яковлевском заводе, занимавшемся ковкой металла, отреставрировали дом заводоуправителя, отстроенный в 1724 году. Выстроили и оснастили кузницу по образцу XIX века. Теперь посетители музея могут воочию увидеть, как происходит знаменитая уральская узористаяковка металла, могут приобрести уникальные кованые сувениры. На будущий год И.Д. Самойлов планирует перевезти на территорию музея и отреставрировать здание таможни и постоянного двора XIX века, располагавшегося на историческом Сибирском тракте, на границе нынешних Свердловской и Тюменской областей.

Музей существует уже четверть века. Начало ему положило восстановление величественного Спасо-Преображенского собора XVII века, отреставрированного бригадой местных жителей во главе с Самойловым в 1967—1978 годах. К тому времени Иван Данилович собрал единственную в мире коллекцию народной росписи Среднего Урала — земли, на которой вырос и перед которой осознал свой долг.

Каждый музей, будь то всемирно известная сокровищница искусства или скромное собрание экспонатов где-нибудь в глубинке, имеет свою историю. Что касается истории музея в Нижней Синячихе, она, видимо, особая. Потому что берет свое начало в далеком 1942 году.

Подмосковное Кунцево, госпиталь, оборудованный в здании школы. Здесь после ранения лежал пулеметчик Иван Самойлов. Вспоминал довоенное житье, деревню, в которой родился, белый потолок отцовской избы, расписанный чудесными яркими цветами... Потом опять тяжелые бои, смерть товарищей, и в этом крошечном аду он все чаще, все упрямее думал о том, что обязан обучиться отцовскому ремеслу. Повод для подобных мыслей был веским: еще на фронте он узнал, что оба его брата погибли, один под Сталинградом, другой на Курской дуге. И если на него найдется чья-то меткая пуля — закончится их род, дело отцовское продолжить будет некому. Нет, не прятался от смерти командир пулеметной роты Иван Самойлов — просто верил в то, что ему должно повезти. За себя и за братьев.

И Бог миловал. А когда вернулся домой и увидел, до чего опустела деревня без мужиков за четыре года, — понял, что это фронтовое ощущение своих корней, своей земли и культуры пришло к нему неспроста... Сказал себе: если уж уце-

лел, не грех узнать, «откуда есть пошел», кто были твои деды-прадеды. В общем стал выяснять родословную Самойловых. Обратился даже в Центральный государственный архив древних актов. В записях ревизских сказок, в дозорных книгах Сибирского приказа вычитал, что по отцовской линии предки были выходцами из Пенезского уезда Архангельской губернии. По материнской — происходили от местных вогулов Сычевых. И пока копался в «хронологической пыли бытописания земли», незаметно и всерьез увлекся краеведением. Начал собирать легенды, песни, сказки, притчи. Появился интерес к археологии. По берегам рек Нейвы, Тагила и Режа, около деревень Алапахихи, Кваршиной, Гаевой, Бреховой, Гостьковой и Исаковой обошел все утесы-писанцы с иероглифическими письменами. Изучил места, где совершались языческие жертвоприношения — около Зыряновского рудника и напротив села Арамашево. Осматривал остатки древних курганов у села Болотово и стоянку человека каменного века в устье реки Мугай.

В 50-х годах Иван Самойлов заочно учился в Загорском сельскохозяйственном техникуме, потом закончил факультет районной планировки Московского института инженеров землеустройства. В столице, когда выпадал свободный час, пропадал в музеях. Часто бывал в букинистическом магазине «Метрополь» — там покупал книги об уральской старине. В библиотеке им. Ленина прочитал Н.М. Карамзина, В.Н. Татищева, позднее приобрел для личного пользования труды С.М. Соловьева, зачитывался книгами великих защитников русской культуры В.В. Стасова и Н.К. Рериха.

Однажды отметил у Рериха такие слова: «Обедняли мы красотой. Из жилищ, из утвари, из нас самих, из задач наших ушло все красивое»². И еще: «Когда смотришь на древнюю роспись, на старые изразцы или орнаменты, думаешь: какая красивая жизнь была. Какие красивые люди жили ею. Как жизненно и близко всем было искусство»³. Эти простые строчки оказали на Самойлова сильное влияние. В послевоенные годы подобную красоту еще можно было отыскать, особенно в какой-нибудь допотопной деревянной избе. Так бывала она красиво расписана, что рука сама тянулась снять шапку у входа. Именно с того времени стал землестроитель Иван Данилович жить по слову Рериха, который говорил, что Культура есть не что иное, как врата в будущее⁴.

С тем живет и сейчас.

Служба землестроителя — занятие не кабинетное. Часто приходилось бывать в деревнях и селах района. В свободные минуты делал зарисовки орнаментов, узоров, изображений людей, животных, деревьев на предметах крестьянского бы-

² Рерих Н.К. Обедняли мы. В кн.: Рерих Н.К. Об искусстве. М., 1994. С. 57.

³ Рерих Н.К. По старине. В кн.: Рерих Н.К. Россия. М., 1994. С. 15.

⁴ Рерих Н.К. Врата в будущее. В кн.: Рерих Н.К. О вечном. М., 1994. С. 28.

та. Больше всего нравилась роспись по дереву. Ведь такая же была и в отцовском доме. И он воспринимал всю эту красоту как частицу самого себя. Неудивительно, что позже коллекция домово́й росписи стала главным делом его жизни. Так исполнилась далекая фронтальная мечта.

Собирать народную живопись Иван Самойлов начал в середине прошлого века. От случая к случаю. Вплотную заняться этим делом торопили удручающие веяния эпохи: расписные избы стали исчезать — одни по причине ветхости, другие распиливали на дрова, третьи погибали в пламени пожаров. Стал ездить по деревням, использовал выходные, отпуск. Приобретал роспись, рукописные и старопечатные книги, иконы, резьбу по дереву, образцы художественного ткачества, вязание, вышивку, чугунное литье. Прочитал массу книг, в том числе монографии по искусствоведению, о разных видах художественных ремесел.

Коллекция уральской домово́й росписи была сформирована к началу 70-х, но пополнялась и позже. За четверть века активного собирательства Самойлов прочно утвердил свою репутацию заядлого коллекционера. Уже тогда мечтал создать музей народного творчества. К этому времени в его «запасниках» накопилось около двадцати раз-

личных коллекций. Все это богатство пребывало там, где удалось пристроить: в амбаре у племянника, жившего в деревне Алапаиха, в подвале райисполкома. Часть коллекции хранилась на квартире самого краеведа.

Наконец удалось добиться разрешения использовать для музея Спасо-Преображенскую церковь в Нижней Синячихе. Здание, редкое по красоте и оригинальности архитектуры, находилось в ужасном состоянии. Десятилетиями храм стоял без кровли, свод грозил обрушиться, стены зияли проломами, по всему фасаду крошился кирпич. С чего начинать? Прежде всего, объяснили сведущие люди, надо составить проект реставрации. Иван Данилович изучил архивные источники, материалы краеведческого музея в Алапаихе. Обратился за помощью к столичным знатокам. Сегодня он с благодарностью вспоминает архитектора Центрального Совета ВООПИК К.А. Рожнову — она познакомила этого неистового чудака с известным реставратором П.Д. Барановским, а тот, обезоруженный напором энтузиаста-краеведа, объяснил ему основы реставрационного дела. Напоследок сказал: чтобы глубже вникнуть в суть памятника архитектуры, нужно знать не только историю, но и археологию, палеографию, этно-

Белая горница Спасо-Преображенской церкви

Медный крест, украшенный эмалью

графию. Пришлось Ивану Даниловичу познакомиться с азами и этих наук, что весьма пригодилось во время реставрации и позже, когда дело дошло до работы над экспозициями музея.

Довелось ему и по стране немало поездить. Самойлов изучил опыт реставрации церквей в Ленинграде, Пскове, Новгороде, Ярославле, Суздале, Костроме, Малых Корелах под Архангельском. Побывал в Соловецком монастыре, в пермской Хохловке и в Витославице под Новгородом.

Наконец проект был готов. Тут уместно заметить, что его автор, он же руководитель реставрационных работ, по-прежнему служил главным землеустроителем Алапаевского района...

Теперь предстояло найти добрых плотников. Иван Данилович зачастил в Нижнюю Синячиху, уговаривал старых мастеров взяться за дело. С кем на лавочке посидит, а с кем и за столом. Поначалу в бригаду вошли пять человек: Г.А. Перовских, И.П. Немытов, В.А. Букин, В.П. Немытов и А.И. Окулов. Все люди основательные, много в жизни повидавшие, а главное, плотники от Бога. Прошло много лет, а Самойлов до сих пор помнит, с каким рвением и просветленностью они взялись за работу. Труд предстоял великий. Чтобы такое дело поднять, нужно было, как говорили в старину, «снять с себя и крест, и пояс». Самойлов знал наперед, что здесь потребуются не только знания, упорство, здоровье, но, может, и вся оставшаяся жизнь. Значит, так тому и быть.

В первый год реконструкции-реставрации — а начали в 1967-м — бригада укрепила самые аварийные участки: свод второго этажа и главный вход в церковь. Следующим летом подвели стропила, обнесли храм штaketником, подготовили материалы для штукатурных работ. В 15 километрах от Нижней Синячихи нашли подходящий песок. Заложили 20-кубовую яму — гасить известь. По рецепту старых уральских мастеров известь выдерживают до десяти лет в утепленном месте. Синячихинская, восьмилетней выдержки, оказалась незаменимым материалом: с ней и кирпичи клали, и штукатурили, и грунтовали, и белили. А чего стоило возведение лесов! Целые бревна приходилось поднимать на веревках по блокам на высоту 60 метров. Чтобы укрепить деревянные конструкции, через колокольню церкви пропустили бревна и на них сделали твердую опору для верхней части лесов — иначе махина могла не выдержать тяжести.

На другой год после долгих поисков подобрали бригаду каменщиков и штукатуров: Я.П. Анохин с Зыряновского рудника, И.А. Козлов из Алапаевска; позднее работали Е.Я. Мельников, П.Я. Бородин из Алапаевска, В.К. Сорокин из поселка Верхняя Синячиха. Пока не было лесов, вели кладку выломанных участков нижнего этажа. Работа шла медленно: кирпич с наружной стороны сильно раскрошился, приходилось его стесывать до «здоровой» части, подгонять, делать новую клад-

ку. Наладили своими силами и каменотесное дело. По глиняным и гипсовым слепкам вытесывали каменные вставки-замки оконных наличников, арки, сложные орнаменты.

Вечерами Самойлов корпел над архивными материалами, справочниками, инструкциями. Заканчивал научное обоснование реставрационных работ, доказывал культурно-историческое значение памятника, его художественные достоинства.

Каждый год работы — а она продолжалась целых 10 лет — был своеобразным погружением в прошлое, давнее и недавнее. Когда перекрывали железо на куполах храма и на шпиле колокольни, обращали внимание на следы гражданской войны. В железе, деревянной обшивке, штукатурке, кирпичях застряли пули и картечь. Наверняка там были и пули пулеметчика Голикова, выпущенные в те дни, когда белых выбивали из Нижней Синячихи. Пятьдесят лет спустя маршал Ф.И. Голиков приезжал сюда на встречу с ветеранами Великой Отечественной. Внутри шпиля колокольни нашли и весть от мастеров давно минувших лет — слова, написанные на досках зеленой краской: «Село Шогрыш мастер Никонов Прохор Леонтьевич. Красили шпиль братья Никоновы с Ионом и Поладием Прохоровичи». Очевидно, автограф был оставлен в 1895 году, когда восстанавливали шпиль колокольни, сгоревший от удара молнии.

Конец, как говорят, делу венец. Самойлову хотелось красиво завершить наружную реставрацию храма: покрыть купола позолотой. Поначалу в сусальном золоте ему отказали наотрез — золото выделяли только для крупных культурных центров. Но он своего добился. На девять куполов пошло 130 граммов благородного металла.

Но и тут без закавыки не обошлось. Только завершили отделку первых пяти куполов — кончилось золотишко. Реставраторы — они были из Екатеринбурга — дожидаться, пока Самойлов заново обобьет пороги всех инстанций, не стали и уехали восвояси. Назад их не звали — за работу снова платить надо, а денег-то нет... Взаялся Самойлов за дело сам. Вокруг одной из церковных глав его старички-боровички соорудили деревянный каркас с лестницами сверху донизу, обтянули полиэтиленовой пленкой. Посмеивались: «Будешь, Данилыч, как скворец в скворечнике посиживать». По мере продвижения работы плотники переносили «скворечник» с одной главы на другую. Без него нельзя — на большой высоте ветер, а листочек сусального золота величиной с половину ладошки, толщина микронная, от сильного дыхания и то трепещет, не то что от ветра.

Технология с виду простая: тщательно обработать шкуркой металлическую поверхность купола, сгладить самую малую неровность, выбоину, покрыть специальным составом. Потом взять золотой лепесток, посадить на клей, осторожно, будто лаская, пригладить кисточкой, чтобы ни морщин-

Фрагмент стеной росписи

Рубели (катки), челноки, трепало

ки, ни вздутия не было. Листок за листком, час за часом, день за днем. Это с земли церковные главы кажутся чуть ли не миниатюрными...

Все это время он представлял себя продолжателем дела безвестных умельцев прошлого. Наверное, у них опыта и сноровки было побольше, но в старании, тщательности, благоговейном отношении к работе Самойлов предкам вряд ли уступал. Удивительное чувство его охватывало! В «скворечнике» — тишина, только изредка шуршит пленкой ветер, поскрипывает деревянный каркас, а он, мастер, парит над селом, не замечая течения времени, и выше его — только облака да изредка пролетающие самолеты.

Позолотил Самойлов четыре оставшихся главы храма. И теперь ясным погожим днем за много километров все девять куполов сияют на синем небе. Так и горят на солнце!

Дело двигалось дальше. Со скрипом преодолевались бесчисленные организационные, материальные проблемы. Накапливался бесценный опыт. Каждый год начинался с поисков денег на стройматериалы, зарплату работникам. После настойчивых просьб деньги удавалось раздобыть — то рас-

кошеливалось областное отделение ВООПИК, то областное управление культуры, незначительные суммы перепадали из районного бюджета. Первые годы на реставрацию отпускали по 3—5 тысяч рублей, потом немного прибавили.

Бывали случаи, когда Самойлов платил строителям из своего кармана. Выручали членские взносы общества охраны памятников истории и культуры. За десять лет он собрал взносов на 52 528 рублей. Представляете, сколько у общества охраны памятников добровольных друзей и помощников, если учесть, что ежегодный взнос каждого составлял тогда всего 30 копеек! Не было в районе ни одного директора предприятия, совхоза, председателя колхоза, к кому Самойлов не обратился бы с просьбой принять долевое участие в реставрации. Откликнулся только директор Махневского песчаного карьера А.П. Слепов — выделил 1900 рублей.

Осенью 1977 года реставрация Спасо-Преображенской церкви была закончена. Пришло время браться за организацию музея. И вдруг точно гром среди ясного неба: областной краеведческий музей решил открыть постоянную выставку сво-

В интерьере дома XIX в.

их фондов именно в селе Нижняя Синячиха, в только что отреставрированной церкви. Ловко получалось — чужими руками жар загребать. Самойлов, когда узнал об этом, пришел в ярость. Выходит, три десятка коллекций, которые он собирал столько лет, пусть и дальше плесневеют в амбарах? И снова он осаждает Алапаевский горком КПСС, райисполком, областной музей — убеждает в своей правоте. А когда в одной инстанции ему заявили: «Какая еще роспись по дереву? Ничего этого у нас в области нет!» — решил больше слов не тратить. Рассудил так: четверть века по крупицам собирал экспонаты, ни копейки не получая для себя, так что теперь буду решать сам.

Засел за литературу по музейному делу. Изучил руководства по научному описанию, хранению и учету экспонатов. Составил чертежи экспозиционных площадей, разработал планы размещения коллекций. Настало время вынимать сокровища из амбаров и подвалов. До того, как попасть в музей, каждый экспонат побывал в квартире Самойловых. Тут каждый предмет с росписью по дереву отмывали детским мылом, некоторые реставрировали; металлическую утварь, посуду чистили; одежду, скатерти стирали, отбеливали, крахмалили, штопали, гладили. Расчищали и закрепляли живописный слой икон, приводили в порядок рукописные и старопечатные книги.

Все это после работы, ночами, в выходные дни. Месяцами у них с женой не сходили болячки на руках. Малогабаритная квартира превратилась то ли в мастерскую, то ли в цех службы быта. Соседи пожимали плечами — что происходит у Самойловых? На досужие вопросы хозяин шутливо отвечал — спекулирую понемногу.

Тон будущей экспозиции задавало собрание уральской народной живописи. И в марте 1978 года исполком Алапаевского районного Совета принял решение об организации музея народного искусства в селе Нижняя Синячиха. Директором назначили Ивана Даниловича Самойлова.

В экспозицию вошли расписные простенки домов, изб, целые стены и потолки, двери, комоды, кухонные шкафы, сундуки. Изюминкой стал полный интерьер так называемой белой горницы. Эти экспонаты Самойлов собирал долгие годы, обойдя больше 70 населенных пунктов во всех восьми районах Свердловской области.

И вот наступил долгожданный день 16 сентября 1978 года — день открытия музея. К этому времени при экскурсионном бюро Алапаевска прошли учебу двадцать специалистов, чтобы самостоятельно проводить экскурсии по музею. Выбили транспорт для поездок экскурсантов от Алапаевска до Синячихи, подготовили афиши, разослали пригласительные билеты. И даже соорудили и украсили трибуну у южного фасада музея.

Утром Самойлов с женой и сыном Колей встречали на местном вокзале гостей из Москвы, Ле-

нинграда, Перми, Свердловска, Нижнего Тагила. Приехали научные работники, сотрудники музеев, представители Советского фонда культуры, журналисты. Только из областного краеведческого музея не было никого — видно, крепко обиделись, что не получили места под свою экспозицию.

День выдался солнечным, хотя до этого целую неделю шли дожди. На открытие собралось около трех тысяч человек. Когда Самойлов утром вышел из музея, удивился такому многолюдью. Люди выглядели празднично. Он как будто вернулся в далекое детство, когда по знаменательным поводам гуляла вся деревня — словно разноцветный ковер расстелили на лугу: здесь и гармошки заливались, и кадрили плясали, и хороводы водили. Пробираясь к трибуне, услышал почтительное: «Пропустите хозяина», «Сам идет». А в это время у «самого» от волнения голова шла кругом, не мог до конца поверить, что сбылась наконец мечта, ради которой они с местными старожилками-умельцами десять лет назад «сняли и крест, и пояс».

Прошел митинг, разрезали красную ленту у главного входа. Первую группу экскурсантов, человек сорок, он повел по музею сам. Потом прошло еще несколько групп, а потом махнули рукой и открыли двери пошире — ведь сколько народу собралось — пусть глядят и радуются. Люди шли целый день, до восьми вечера. На следующий день история повторилась. Он запомнил эти дни навсегда...

Сегодня у входа в экспозицию на мраморной доске высечены фамилии:

*Анохин Яков Павлович
Самойлов Виктор Александрович
Козлов Иван Алексеевич
Зуев Иван Наумович
Окулов Александр Иванович
Перовских Григорий Автимонович
Немытов Иван Павлович
Букин Василий Алексеевич
Немытов Валентин Петрович
Буров Владимир Васильевич
Кейт Леонид Юрьевич*

Иван Данилович Самойлов с благодарностью помнит имена тех, кто из руин поднял и вновь подарил людям несказанную красоту, — штукатуров, кровельщиков, плотников, художников...

Грустно, что список этот стал теперь мемориальным. Уже тогда, в 1967 году, когда начинали реконструкцию, каждому из них было под семьдесят лет. Некоторые и лежат неподалеку, на Белой горе, на сельском погосте. Красиво окончили свой жизненный путь эти люди. Земной поклон вам, великие русские мастера!

*Материал подготовил
А.К. Сидячко*

Фрагмент стеной росписи